

Несмотря на все эти мелкие замечания, данный комментированный перевод писем Браулиона Сарагосского заслуживает внимания историков Церкви, литургистов, религиоведов, интересующихся весьма важным переходным периодом от Поздней Античности к Раннему Средневековью.

С. А. Воронцов
(МГУ; ПСТГУ)

Бандуровский К. В. Бессмертие души в философии Фомы Аквинского. М.: РГГУ, 2011. 328 с.

Рецензируемая работа представляет собой, как можно догадаться публикацию кандидатской диссертации, защищенной автором в Российском государственном гуманитарном университете в 2001 г. («Концепция бессмертия души в философии Фомы Аквинского и ее историко-философские истоки»). Основной целью работы является реконструкция и анализ томистской концепции бессмертия человеческой души в общем контексте философии Фомы Аквинского, а также в контексте исторического развития этой проблемы. По мнению автора, Фома совершает значительный поворот в рассмотрении вопроса о бессмертии души: он отказывается от традиционной (платонической) трактовки этой проблемы и от платоновской концепции бессмертия души и обращается к аристотелевскому учению о душе, основанием которой является отрицание бессмертия человеческой души в целом. И поэтому исследователь задается следующими вопросами: «Почему Фома Аквинский при решении вопроса о бессмертии души отошел от “платонического” учения о душе, господствующего в дотомистской христианской философии, и обратился к “аристотелевскому” учению, которое воспринималось его современниками и предшественниками как учение, отвергающее бессмертие индивидуальной души? Насколько успешно удалось Фоме Аквинскому решить проблему бессмертия души при использовании аристотелевского инструментария?» (с. 11–12).

Работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена историко-философским предпосылкам томистской концепции неразрушимости души. Здесь автор выделяет две основные линии — «платоновскую» и «аристотелевскую», каждая из которых имеет свои характерные черты и отличительные особенности. Затем автор подробно разбирает «линию Платона» (платонизм и неоплатонизм), «линию Аристотеля» (Анаксагор, Аристотель, комментаторы Аристотеля), а также дает краткий обзор проблемы бессмертия в христианской философии на примере как восточных, так и западных отцов и учителей Церкви.

Самая важная глава книги — вторая — «Учение Фомы Аквинского о душе и ее неразрушимости» в свою очередь состоит из двух частей. В первой части приводится томистская аргументация *в пользу* неразрушимости души. Здесь автор анализирует положения, встречающиеся в трудах Фомы, таких как «Комментарии к “Сентенциям” Петра Ломбардского», «Сумма против язычников»,

«Дискуссионные вопросы о душе», «Сумма теологии», «Компендиум теологии», «Вопросы на различные темы», «Комментарий на “Книгу о причинах”», а также содержание анонимного трактата «Вопрос о бессмертии души», приписываемого Фоме. Далее следует изложение аргументов *против* неразрушимости души, приводимых в трудах Аквината (всего автор выделяет 23 положения).

Вторая часть представляет собой очерк томистской антропологии — рассмотрение вопроса неразрушимости души в антропологическом контексте. В данном разделе автор подробно разбирает учение Фомы Аквинского о душе и касается таких тем, как природа интеллектуальной души, учение об интеллектуальной способности, психофизическое единство человека в гносеологии Фомы, проблема воскресения плоти.

Наконец, третья глава является в некотором смысле дополнением к работе и посвящена критике рационального доказательства бессмертия человеческой души, содержащейся в работах Дунса Скота. По мнению последнего, аргументация Фомы, будучи основана на постулатах веры, не является «демонстративной», то есть такой, которая основывается на посылках, как очевидных, так и необходимых.

В заключение автор формулирует выводы, которые можно свести к следующим положениям. Вопрос о бессмертии души решался на основе двух во многом противоположных концепций души — «платоновской» и «аристотелевской». «Платоновская» концепция воспринималась в Средние века как основание бессмертия индивидуальной души, в то время как «аристотелевская» концепция — как основание для обратного утверждения. По этой причине многие средневековые мыслители-дотомисты обращаются чаще к первой из них. В платоновском учении о душе аргументация ведется по существу в пользу бессмертия безличностной, а не индивидуальной души. Аристотель в свою очередь ставит вопрос о бессмертии индивидуальной души, хотя и не дает на него однозначного и окончательного ответа. «Фома, творчески развивая аристотелевскую психологию, показывает, что в рамках аристотелевской концепции вполне возможен положительный ответ на вопрос “Бессмертна ли индивидуальная душа?”, в то время как отрицательный ответ приводит к неразрешимым противоречиям. Более того, аристотелевское понимание души как формы тела дает вероятностные доводы в пользу христианского догмата о воскресении во плоти. Этим объясняется обращение Аквината к учению Аристотеля и критика им многих аспектов “платонической” психологии» (с. 231). Само учение Фомы о бессмертии души включает в себя ряд положений: а) положение о неразрушимости интеллекта; б) положение о том, что интеллект представляет собой единую неразрушимую способность (а не состоит из высшей, неразрушимой, части и низшей, разрушимой); в) положение о сущностном единстве человеческой души и неразрушимости всей индивидуальной души; г) положение о том, что человеческая душа является несовершенной субстанцией и требует единения с человеческим телом ввиду того, что душа предназначена для того, чтобы одушевлять тело, но сама душа не имеет гилеморфного строения, а также ввиду того, что единение с телом необходимо душе, чтобы она выполняла свою главную функцию — познание; д) положение о том, что конкретная душа является формой конкретного тела» (с. 231–232).

Краткая схема основного хода рассуждений Фомы Аквинского о человеческой душе (в состоянии земной жизни) с указанием соответствующих мест из «Суммы теологии», «Суммы против язычников» и «Дискуссионных вопросов» (с. 233–236). Во-вторых, это переводы фрагментов из указанных выше произведений (Сумма теологии I. 75. 6; Сумма против язычников II. 79. 80; Дискуссионные вопросы о душе 14), посвященные теме бессмертия души.

В целом книга представляет собой тщательное и добротное исследование, посвященное достаточно узкому вопросу томистской антропологии. Несмотря на это, можно выделить ряд технических недостатков работы. Во-первых, в книге часто не хватает ссылок на источники или исследовательскую литературу. В качестве примеров можно привести классификацию интеллектов у Аристотеля и Авиценны на с. 177 или деление «теоретического интеллекта» на с. 179. Несмотря на то что здесь приводятся конкретные авторы — Аристотель и Авиценна (в первом случае) и Фома Аквинский (во втором), автор не приводит никаких отсылок ни к текстам этих авторов, ни даже к научным исследованиям, откуда эти «выкладки» взяты. Напротив, некоторые примечания кажутся излишними. Например, примеч. 342 (где на четырех страницах рассказывается о «Сумме теологии»), без которого можно было вообще обойтись, поскольку в примеч. 209 уже приводится краткая и достаточная информация. То же и в отношении примеч. 204, где также на трех страницах излагается основное содержание «Суммы против язычников», хотя опять же можно было обойтись кратким обзором, что и сделано в прич. 349. Примеч. 205 и 347 и вовсе совпадают. Кроме того, возникает впечатление, что приложения автор выполнял независимо от главного текста, поскольку в них присутствуют очевидные повторы.

Во вторых, книга несколько устарела и в библиографическом плане. Например, на с. 299 автор пишет, что «существует русский перевод главы первой: “Фома Аквинский. О единстве интеллекта против аверроистов”» (в переводе Ю. В. Подороги, 1998), в то время как еще в 2002 г. вышел полный перевод этой работы, выполненный А. В. Апполоновым¹, который на сегодняшний день выдержал уже пять переизданий. Автор не учитывает новые работы по Фоме и томизму, вышедшие не только на Западе, но даже и в России. В работе использованы исследования, написанные до 2001 г., хотя за минувшие 10 лет о Фоме уже написано достаточно много. Конечно, если принять во внимание, что это публикация диссертации, защищенной 10 лет назад, то все становится на свои места. Но в книге, выпускаемой в 2011 г., либо нужно что-то добавлять, либо указывать, что публикуется текст, написанный 10 лет назад. Но автор не делает ни того, ни другого.

Наконец, третий недостаток работы — это некоторая недоговоренность в отношении русских переводов текстов Фомы, приведенных в приложении (с. 237–267). Автор не указывает ни переводчика текста, ни источник текста, с которого перевод осуществлен. Можно предположить, что часть переводов авторская (по крайней мере, в отношении перевода «Дискуссионных вопросов о душе»).

¹ *Фома Аквинский. О единстве разума против аверроистов // Он же. Сочинения / А. В. Апполонов, ред. М., 2002 (Bibliotheca Scholastica; 2). С. 2–117.*

Несмотря на данные технические недочеты, работа выполнена на высоком уровне и будет интересна специалистам, занимающимся средневековой философией и творчеством Фомы Аквинского.

*Иерей Евгений Шилов
(ПСТГУ)*

Раевская Н. Ю. Священные изображения и изображения священного в христианской традиции. СПб.: Сатис, 2010. 271 с.

В основе рецензируемого труда лежит текст кандидатской диссертации, защищенной Наталией Юрьевной Раевской на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета в 2006 г. В аннотации указывается, что монография «впервые в религиозноведческой литературе суммирует основания различных подходов к культовым изображениям в истории христианства». Впрочем, после вышедших в недавнее время знаковых работ А. Безансона и Х. Бельтинга¹ (переведенных, между прочим, на русский язык²) заявление об уникальности рассматриваемой монографии представляется как минимум излишне смелым. Например, указанные авторы также ставили проблему изображения священного в христианстве в исторической перспективе, в том числе рассматривали отношение к этой проблеме в разных христианских конфессиях.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и 84 иллюстраций, черно-белая печать которых в низком разрешении заметно снижает привлекательность работы. В первой главе («Изображение в истории христианства») автор рассматривает процессы зарождения практик почитания икон, их дальнейшие трансформации и, в случае с протестантизмом, исчезновение. Исторический обзор представляет немалый интерес благодаря прежде всего своей широте: исследователь не замыкается, к примеру, на вопросе византийского иконоборчества или реформаторского иконоборчества в Нидерландах в XVII в. Читателю предоставляется прекрасная возможность проследить то, как метаморфозы, имевшие место в христианстве на протяжении 20 столетий истории, отражались на восприятии христианами своего собственного культового наследия.

Однако стоит сразу отметить характерный для всей книги недостаток, который можно усмотреть даже и в историческом обзоре первой главы, это — несамостоятельность исследования. Собственный труд автора в конечном счете сводится к обобщению уже изложенных ранее и вполне устоявшихся идей. Это становится особенно очевидным, когда читатель обращается к текстам сносок. Каждая высказанная в книге идея возводится к аналогичной, но уже ори-

¹ *Besaçon A. L'image interdite: une histoire intellectuelle de l'iconoclasme. P., 1994; Belting H. Bild und Kult: eine Geschichte des Bildes vor dem Zeitalter der Kunst. München, 2004⁶.*

² *Безансон А. Запретный образ. Интеллектуальная история иконоборчества. М., 1999; Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.*